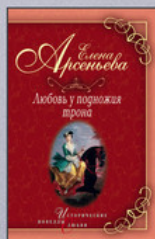

Елена Арсеньева

Черная шкатулка (императрица Елизавета Алексеевна – ...

Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)

Елена Арсеньева
Черная шкатулка (императрица
Елизавета Алексеевна
– Алексей Охотников)
Серия «Любовь у подножия трона»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161513
Любовь у подножия трона: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04439-6*

Аннотация

«Ненастной ночью 30 октября 1806 года из ворот одного неприметного дома на Сергиевской улице вышла невысокая полная дама и приблизилась к поджидающей ее карете. Двигалась она с трудом, дышала прерывисто, словно от крайней усталости. Ее провожал худощавый человек, в котором с первого взгляда можно было узнать врача, да не просто врача, а именно полкового лекаря...»

Елена Арсеньева

Черная шкатулка

Ненастной ночью 30 октября 1806 года из ворот одного неприметного дома на Сергиевской улице вышла невысокая полная дама и приблизилась к поджидающей ее карете. Двигалась она с трудом, дышала прерывисто, словно от крайней усталости. Ее провожал худощавый человек, в котором с первого взгляда можно было узнать врача, да не просто врача, а именно полкового лекаря.

– Прощайте, доктор, – пробормотала дама чуть слышно, и стало ясно, что она едва сдерживает слезы. – Не забудьте же дать мне знать потом... когда все закончится.

– Все закончится не позднее чем завтра днем, – угрюмо ответил тот, кого называли доктором. – Я не стану посылать вам никаких вестей, простите великодушно. Ни к чему это. И лучше вам здесь больше не показываться, го... – Он замялся, запутался в словах, а потом повторил с почтительным полупоклоном: – Лучше вам здесь больше не показываться, госпожа.

Из-под края шали, низко надвинутой на лоб, блеснули измученные глаза. Вдруг она покачнулась и положила руку пониже груди.

Доктор вздохнул: дама была беременна – этим и объяснялась ее полнота. Роды, по всему, могли начаться в любую ми-

нута, ей ни в коем случае не нужно было выходить в такую пору из дому и приезжать сюда!

Однако он понимал, что именно сегодня дама не могла не приехать.

Доктор открыл дверцу кареты и помог женщине взойти туда. Она сразу откинулась на спинку сиденья, закрыла лицо одной рукой – и дала волю слезам. В другой руке она держала небольшую черную шкатулку. Доктор знал о содержимом этой шкатулки. Там лежали письма этой женщины, которые она писала тому, кого любила. Тому, с кем приезжала нынче проститься – и простилась навеки, ибо жизнь его закончится не позднее завтрашнего дня...

Тот человек вернул ей письма, ибо они были опасны для ее репутации. А может быть, даже и для ее жизни.

Доктор хотел еще что-то сказать, но говорить уже было нечего. И утешить ее нечем. Он молча поклонился и хлопнул дверцей. Приказал кучеру:

– Поезжайте! – и еще какое-то время смотрел вслед канувшей в темноту карете, прислушивался к удалявшемуся стуку колес.

Потом запер калитку и вернулся в дом. Старый слуга стоял на коленях в столовой и тоскливо бормотал молитву, то и дело отбивая земной поклон.

– Господи, помилуй раба твоего Алексея! – донеслось до слуха доктора.

Нет, молитвы были напрасны, как и все остальное... И ти-

хий плач кухарки, доносившийся из глубины дома, уже не мог никого разжалобить.

Доктор вошел в комнату, освещенную одной только свечой, и взгляделся в лицо лежавшего на диване человека. Он был в красном парадном мундире кавалергарда. Мундир оказался расстегнут: слишком уж толстая повязка стягивала тело человека, крючки не сходились.

Но даже и эта повязка беспрестанно намокала кровью...

Казалось, раненый был без памяти. Глаза закрыты, бледные пальцы стискивали прядь тонких пепельных волос. Доктор вспомнил шаль, накинутую на голову уехавшей дамы. Прядь была такая длинная... а вдруг кто-то заметит, что у нее срезаны волосы?

А впрочем, доктор знал, что для нее это уже не имело никакого значения.

Ничто вообще не имело теперь значения! Кроме, может быть, жизни ребенка, который вот-вот родится.

Одна жизнь уйдет, другая возникнет. Так бывает всегда. Так будет всегда. И слава Богу!

Доктор осторожно взял свободную руку кавалергарда и попытался сосчитать пульс. Запястье было влажным от холодного пота, пульс почти не прощупывался.

Он склонился к раненому. Боже, какие тени залегли вокруг его век, как обметало губы! За несколько минут лицо сделалось неузнаваемым.

Кажется, доктор ошибся, когда сказал гостю, что это кон-

чится не позднее завтрашнего дня. Не позднее утра – вот когда это кончится!

– Ты здесь, друг мой? – раздался чуть слышный шепот, и доктор увидел, что кавалергард открыл глаза.

Они были черные, непроглядные. Как ночь. Как вселенская ночная тьма, которая уже смотрела в лицо умирающему!

– Здесь, успокойся, – отозвался доктор со своей обычной угрюмой манерой. Ну что поделаешь – он вообще был человеком невеселым, а в этом доме, где доживал последние минуты его лучший, единственный друг, не могло быть места даже для тени улыбки.

Нет, он ошибся! Именно она, тень улыбки, вдруг мелькнула на пересохших губах кавалергарда:

– Скажи, чтобы этот локон... в медальон... и чтобы кольцо, ее кольцо... со мною...

Он едва выговаривал слова, но доктор все понял.

– Все исполню, Алеша, не тревожься, – кивнул истово. – Ты помолчи лучше.

– Ни-че-го, – выдохнул умирающий. – Скоро... намолчусь...

Настала тишина. Доктор видел, что мундир теснит дыхание Алексея, и хотел предложить снять его, но вспомнил, как раненый несколько раз терял сознание от боли, пока его в этот мундир обряжали, – и ничего не сказал. Это последнее тщеславие умирающего могло показаться смешным, а впро-

чем, доктор понимал: ту женщину, которая приезжала сюда, его друг не мог встретить в одной рубашке, лежа в смертной постели. Алексей хотел, чтобы она навеки запомнила его таким, каким увидела когда-то впервые: в блестящем кавалергардском мундире.

Ну что ж, пусть теперь останется как есть. Недолго уже...

Ему хотелось сказать что-то на прощание Алексею, чем-то утешить его, напомнить о будущем ребенке, ну хоть как-то скрасить эти последние мгновения жизни, но он не успел. Раненый вдруг с неожиданной силой приподнялся и блестящими глазами уставился на дверь.

— Она идет, — выдохнул он. — Она вернулась! Я слышу ее шаги! — И он воскликнул так громко и ясно, словно был совсем здоров: — Жена моя! Мой Бог, Элиза! Любимая!

И голос его пресекся, потому что он ошибся.

Это не его любимая вернулась. Это Смерть пришла за ним.

Между тем карета остановилась в одном из укромных переулков позади Зимнего дворца. Кучер подождал, пока дама осторожно спустилась с подножки, и хлестнул коней. Таков был полученный им приказ.

Дама медленно шла знакомой дорогой ко дворцу. Сколько раз она проходила этим путем за минувшие два года! Вон там, за углом, где боковая калитка, ведущая во двор, стоит преданный ей часовой. Он многое видел, может быть, кое-

что знает, о чем-то догадывается. Но когда дама пройдет мимо него, он останется недвижим. Он сделает вид, что не заметил ее, что это была вовсе не женщина, а призрак. Ему и в голову не придет отдать ей почести, взять на караул, выкрикнуть приветствие, хотя мимо него сейчас медленно, едва волоча ноги и с трудом сдерживая рыдания, проходила российская императрица Елизавета Алексеевна. Жена императора Александра I.

* * *

...Неужто прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как юная баденская принцесса Луиза-Августа, сияющая красотой и юностью, вдохновленная самыми радостными ожиданиями, прибыла в Петербург, чтобы выйти замуж за пятнадцатилетнего великого князя Александра – будущего наследника российского престола? Да, это произошло ровно одиннадцать лет назад – 31 октября 1793 года. Луизе тогда было четырнадцать, и приближенные Александра пришли в восторг от ее нежной красоты. Императрица Екатерина Великая, устроившая этот брак, осталась довольна красотой невесты и ее умом. Родители Александра, великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна, также смотрели на нее с умилением. Но куда важнее было то, что она понравилась Александру, а он понравился ей. Они были похожи друг на друга: нежные, белолицые, светловолосые, с

голубыми глазами. Казалось, это обречены два ангела!

«Как только мы остались в комнате одни, он меня поцеловал, а я его. И теперь, думаю, так будет всегда!» – радостно писала невеста матери.

Все сулило им счастье... все обмануло их.

Луиза, которая теперь звалась Елизаветой, не могла бы назвать день, когда поняла, что ожидание любви, готовность к ней никогда не перейдет в любовь. Днем им было легче – они были просто друзьями, к тому же надо было соблюдать некий декорум под взглядами придворных. А ночи... ночи приносили печаль и стыд, потому что юные супруги не знали, что им делать друг с другом и со своими собственными незрелыми, не искушенными в желаниях телами. В огромной постели под величественным балдахином они старались держаться как можно дальше друг от друга, и постепенно между ними нагло улеглось Разочарование. Нагрело себе местечко. Устроилось надолго...

Навсегда.

Может быть, все еще и уладилось бы, кабы каждого из них не подстерегали со всех сторон искушения, кабы придворная жизнь не мучила ревностью неокрепшие, не умеющие любить души. Платон Зубов, молодой любовник императрицы Екатерины, смотрел на Елизавету с нескрываемым вожделением. Что с того, что она никогда не подавала ему повода, что боялась его и старалась избегать? Александр ревновал и дулся, держался с ней холодно, упрекал в том, в чем упре-

кать не следовало, а то и вовсе замыкался в высокомерном, молчаливом презрении. Это оскорбляло его юную жену, она ощущала себя непонятой, брошенной. Разве удивительно, что ее потянуло к другу Александра, поляку Адаму Чарторыйскому, бывшему всего на несколько лет старше ее мужа, но при этом такому опытному, умному, понимающему, чуткому... такому ослепительно красивому? И он был влюблен, безумно влюблен в Елизавету, все в ней восхищало его: каждый ее шаг, каждый вздох, звук ее голоса, смех, фигура, глаза... Он весь начинал светиться при встрече с ней, в то время как Александр всем своим обликом выражал неистребимую скуку. И все же Елизавета была женой своего мужа, мысль о том, чтобы ответить на нескрываемую страсть прекрасного Адама, казалась ей кощунственной. Она великая княжна! Она будущая императрица! Что с того, что великая Екатерина никогда не скрывала своих любовников? Она незамужняя женщина. Она повелительница, которая устанавливает законы и задает тон жизни. Ей можно все! Но Елизавета – кто она такая? А вдруг ухаживания Адама станут кому-то известны? Впрочем, о них и так уже говорят. Но Елизавете нечего стыдиться, она не виновата перед мужем.

Она невыразимо обрадовалась, когда узнала, что беременна. Какое счастье! Значит, их с Александром неуклюжие, торопливые, почти стыдливые прикосновения все же принесли свои плоды. Будет ребенок... наверняка он привяжет их друг к другу. После его рождения их отношения изменятся,

и, может быть, вернется та любовь, которую они когда-то испытывали?

Однако рождение дочери Марии стало для Елизаветы страшным ударом.

О нет, она с восторгом смотрела на свое очаровательное дитя. Но остальные... все до одного, начиная с императора Павла и его жены и кончая последней фрейлиной, видели не милую, чудную девочку. Они видели только ее глаза и волосы. Черные глаза и темные волосы!

Александр смотрел в голубые глаза жены своими голубыми глазами и молчал. Угрюмо молчал... А Павел Петрович не постыдился во всеуслышание спросить:

– Как может у светлоглазых и светловолосых супругов родиться черноволосый и черноглазый ребенок?!

– Господь всемогущ, – растерянно пробормотала в ответ фрейлина Шарлотта Ливен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.